

О ДНИМ из заметных событий музыкально-театрального сезона 1969/70 года стала постановка «Кармен» в Московском театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Мейерхольда-Данченко, осуществленная Валерием Фельзенштейном (ГДР).

И вот, спустя два года, снова встреча с этим великолепным мастером музыкально-театрального искусства, снова работа над «Кармен», но теперь уже не все коллектива, а главного дирижера Дмитрия Китаенко, солистов оперы Эммы Саркисян, Галины Писаренко и Вячеслава Осипова. И не в Москва, а в «Коминье Опер» в Берлине, куда они были приглашены для участия в спектакле. Премьера состоялась в марте нынешнего года, прошла с огромным успехом. Рецензенты дали очень высокую оценку, особо отметили мастерство советских артистов.

«Молодой дирижер Дмитрий Китаенко — лауреат премии конкурса Караяна, использует мощные, напряженные краски, характеризующие бурлящую страсть и жестокость событий. Замечательная интерпретация оркестровых интермедий делает их не обособленными музыкальными номерами, как это, к сожалению, часто бывает, а продолжением общей линии драматического развития действия... В этом сказывается талант молодого дирижера с заразительным музыкальным темпераментом, который, как явствует, трактует партитуру в полном соответствии с замыслом режиссера — великолепного мастера сцены» («Опер унд Концерты»).

В этой же статье о В. Осипове: «Хозяин: Он захватывает как в лирических пассажах дуэта с Микаэлой, так и в глубоко прочувствованной арии с цветами, едва ли какой-нибудь другой певец так сможет тронуть меня при ее исполнении, как этот русский молодой певец. И он — трагичен и интенсивность своего голоса до диких драматических всплесков в финале третьего акта, а еще больше в последней сцене оперы; молодой самобытный артистический талант».

Много добрых слов адресовано советским певцам, исполнительницам партий Кармен и Микаэлы. «Я, пожалуй, не видел лучшей Кармен, чем Эмма Саркисян. Она одарена большим и подвижным mezzo-сопрано. Таеко органично присущ ей. Он — во всех ее движениях, позах. Она доводит прочтение образа до совершенства, а даже диалог на языке, которым она не владеет, служит для «музыкализации» образа» («Националь-Цайтунг Вазель»).

«Галина Писаренко (Микаэла) выглядит северной крестьянкой... Она поет своим сопрано, похожим на голос жаворонка, о матери, о своем безбрачии. Замечательное исполнение!» («Франкфуртер альгемайне Цайтунг»).

Советские артисты — дирижер Дмитрий Китаенко, певцы Эмма Саркисян, Галина Писаренко, Вячеслав Осипов — не только выступили в премьерном спектакле: они продолжают свою совместную работу с театром «Коминье Опер», регулярно играя в берлинской «Кармен» и оставаясь «главными» в московской постановке.

Корреспондент газеты М. Игнатьева попросила этих артистов поделиться с читателями своими мыслями о трудной и ответственной работе.

ДВЕ «КАРМЕН»

Дмитрий Китаенко:

— Мне было и сложнее, и проще, чем солистам. У меня сложность заключалась прежде всего в том, что, выступил «московский» артист, не хотелось в «Коминье Опер» ограничиться только следствием. Естественно, можно было сохранить темпные отношения частей, общую линию музыкально-драматургического развития. Но хотелось пересмотреть кое-какие сцены, внести коррективы, где-то переставить акценты, уточнить характеристики отдельных персонажей, хотя, признаюсь, не было уверенности, что Валерий Фельзенштейн примет мой план. К счастью, согласованность была достигнута полная.

Солисты же столкнулись с огромными трудностями. Уж не говоря о том, что русский язык вокально удобней, чем немецкий, певцы, как говорится, попали в совершенно незнакомый языковой мир: до того, как мы поехали в ГДР, они дали немецким на самом начальном этапе. Даже трудно представить себе, с каким усердием, самоотдачей работали они: уроки немецкого, занятия с дирижером, режиссером, концертмейстерские уроки, обработка ансамблей, причем с незнакомыми партнерами. К тому же в период работы над берлинским спектаклем им приходилось выезжать в Москву и здесь петь, естественно, на русском. Право же, надо было иметь две головы и два сердца, чтобы не сбиться. Спектакль «Коминье Опер» привлек внимание музыкальной общественности. Билеты продавались по спе-

циальным заказам. На премьеру приехали едва ли не из всех городов мира. После каждого номера — громкий свист, хотя Валерий Фельзенштейн предупреждал, что, если будет молча действовать, аплодисменты, значит, исполнительский коллектив не выполнил его задания. А зритель с ним не «поспел»... А зритель с ним не «поспел»... приходил в восторг от каждой арии, каждой сцены.

Я рад был за всю труппу, осуществившую постановку «Кармен», и, особенно, за наших солистов, за свой театр, который мы четверо представляли.

Галина Писаренко:

— Можно испытывать только чувство огромного счастья от того, что довелось встретиться с Валерием Фельзенштейном, — таким грандиозным талантом, таким потрясающим психологом, потрясающим организатором и одновременно вдохновенным фанатиком искусства, режиссером, по-настоящему любящим актера, что бывает редко, с таким тонким художником. Профессор добивается от актеров включения всего существа в действие — не только голосовых выкриков, не только уша и сердца. Он, как рентгеновский аппарат, просвечивает тебя насквозь. И если ты вдруг начинаешь не играть, а действительно жить на сцене, он, как ребенок, радуется, торжествует, восторгается; при мучительных поисках, настраивая актера то и дело слышишь: «Это фальшь!»...

После работы с таким превосходным мастером сцены все мы сле-

дали, несомненно, большой качественней скачок.

Эмма Саркисян:

— Партия Кармен — мечта всех mezzo-сопрано. Так восприняла и я, назвавшись на эту партию. При первом десте с профессором Валерием Фельзенштейном он попросил исполнить «Хабанеру». Мною приложены были все усилия, чтобы спеть громко и красиво. Он заставил совершенно изменить характер: «Я стараюсь, чтобы Кармен не была vampirом с сигаретной фабрикой», — сказал В. Фельзенштейн, и все время работал именно в этом плане, в этом ключе. «Когда люди поют и не чувствуют, что они поют, получается просто «кулинарный» звук», — эти слова профессора глубоко запомнились мне.

В Берлине было очень трудно. По сравнению с нашей постановкой многое в спектакле «Коминье Опер» утончилось, дорабатывалось, надо было научиться петь (да еще на чужом языке!) так, как требовал профессор, играть на кастальетах. Сначала я все — от звука до звука — зазубрила, по этому надо: надо было говорить, выражая мысли, а не просто пропозировать слова, переживать...

У Валерия Фельзенштейна такая система: он присутствует на каждом представлении, записывает все пометки, опрехи в свой кондукт, и после спектакля артисты вместо цветов получают довольно пышный «букет» критических замечаний. Зато как это подтягивает, дисципли-

нирует, заставляя постоянно быть в творческой форме.

Вячеслав Осипов:

— Мне особенно повезло: поехать через 4—5 месяцев после поступления в первую в жизни театральную труппу к такому выдающемуся мастеру оперного искусства, как Валерий Фельзенштейн, можно ли было о подобном даже мечтать? Работа была отчаянная, порой аскало до бешенства от собственного бессилия. Все по-новому: мы воспитывались на итальянском языке, для нас, по-калостом, запись на пластинках «Кармен» в исполнении итальянских певцов — само совершенство, академия певческого искусства В. Фельзенштейн все поставил на свои места. И характерно: он никогда не заставлял актера делать по-своему, а убеждает в правильности своей концепции, объясняет, почему именно так нужно, чего он добивается. И не только спеленескому рисунку уделял режиссер внимание, а посылал голос, вокальным краскам. У этого великолепного художника, великолепного педагога и тонкого психолога редчайшее целостное видение спектакля, каждой его сцены, каждого участника этой сцены, понимание внутреннего состояния актера. Именно поэтому у его спектакля актер не выжидал, не выучен, а действует сознательно, вживается в образ. Оттого спектакль В. Фельзенштейна жизнеистинен, долговечен, не тускнеет со временем.

Итак, две «Кармен», московская и берлинская, украшают сцены двух оперных коллективов, привлекая огромный интерес зрителей. Две «Кармен», созданные в тесном творческом содружестве театров Советского Союза и Германской Демократической Республики.

Сов. кинотеатр, 1972, 17 окт.